

ТАЙНА КРОВАВОЙ ЮЩИ

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Записки придворного сыщика

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Тайна кровавой ночи

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сухов Е.

Тайна кровавой ночи / Е. Сухов — «Эксмо», 2026 — (Записки придворного сыщика)

ISBN 978-5-04-247403-3

Его знали все. Но он не знал себя... 1904 год. В Казани зверски убиты две девочки. Пострадала и их соседка Эльвира Шиманова: из квартиры пропал ее годовалый сын, преступник ударил женщину по лицу утюгом, а тело истыкал ножом. Эльвира выжила, но потеряла зрение и слух, а потому показания давать была не в силах. Судебный следователь по особо важным делам Иван Федорович Воловцов подозревает мужа потерпевшей, Зиновия Шиманова. Его со свертком под мышкой видел в тот день сосед. Однако позже выясняется, что у подозреваемого есть алиби... Сложная цепочка расследования закручивается все туже, пока сыщик не обращает внимание на одну деталь, забытую убийцей на месте происшествия...

Исторический детектив о преступлении начала прошлого века. Автор настолько увлекательно погружает в атмосферу того времени, что мы буквально слышим грохот мостовой, шум городского базара, звон колоколов и пронзительные свистки городских...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-247403-3

© Сухов Е., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Часть I. Пропавший ребенок	6
Глава 1. Страшное происшествие в Адмиралтейской слободе	6
Глава 2. Что надлежит сделать в первую очередь	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Евгений Сухов

Тайна кровавой ночи

© Сухов Е., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Часть I. Пропавший ребенок

Глава 1. Страшное происшествие в Адмиралтейской слободе

В то самое время, когда судебный следователь по особо важным делам Иван Федорович Воловцов обдумывал рискованный план – выступить живцом, чтобы наконец выманить и изловить однорукого стрелка (того самого, что успел оставить за собой кровавый след: четверо убитых в Нижнем Новгороде, затем четыре жертвы еще в Казани; среди них и вице-губернатор, человек заслуженный, деятельный, пользовавшийся всеобщим уважением), в городе произошло событие, потрясшее всех без исключения жителей.

Нечто столь выходящее из привычного ряда городских бед, что даже выдавшие виды люди понижали голос, рассказывая о подробностях случившегося. Событие это заставило обывателей впервые за долгое время по-настоящему ощутить хрупкость собственной жизни – ту самую, о которой обычно вспоминают лишь на похоронах да во время болезней. Настроение в городе переменялось: разговоры стали короче, взгляды – настороженнее, вечерние улицы – пустынее. Тревога, словно сырой туман с Волги, проникала в дома, отравляя привычный уклад жизни.

Разумеется, известие о случившемся немедленно достигло ушей и коллежского советника¹ Воловцова, находившегося в Казани по служебному поручению.

А произошло вот что...

На исходе марта 1904 года в городской Адмиралтейской слободе на улице Жуковка в бывшем доме приват-доцента Адама Эмилюка, где ныне проживали две семьи, произошла страшная трагедия, о коей заговорил весь город и которая долго еще будоражила умы городских обывателей своей безумной звериной жестокостью.

Мещанка Авдотья Никифоровна Корякина в тот день вернулась домой немного позднее обычного: ее и других работниц полотняной фабрики Гольдмана на целый час задержало цеховое начальство. До фабричных работниц доводились какие-то новые положения, касающиеся трудовой дисциплины на фабриках и заводах, каковые, впрочем, никто особо и не слушал. Когда Авдотья Никифоровна открыла входную дверь дома и вошла в затемненное помещение, то сразу почувствовала что-то неладное: в доме стояла незнакомая мертвая тишина, чего вечерами никогда не наблюдалось. Не шумел годовалый Колька у Шимановых; не шалили обе ее малолетние дочки в их комнате; не бряцала посуда на общей кухне. Словом, тишина в доме установилась неприязненная и действовала на Авдотью Корякину весьма пагубно.

Авдотья Никифоровна прошла в комнатку дочерей и едва удержалась на ногах от ужасающего зрелища. Обе ее дочери лежали бездыханными. Старшая, Оксана, четырнадцати лет, лежала на кровати с подобранными к животу коленками. Голова ее была размозжена, волосы слиплись от обильно пролитой крови и казались приклеенными к голове. Глаза и рот оставались полуоткрытыми, как будто девочка собиралась что-то произнести, да не успела. Младшенькая, Юлия, двенадцати лет от роду, лежала на полу, раскинув в стороны руки. Затылок ее представлял кровавое месиво – созерцать такое было невозможно и невероятно страшно. Обе девочки лишены жизни с особой жестокостью. И все же Авдотье Корякиной никак не хотелось верить, что эти мертвые девочки – ее дочери, ее кровинушки, ее радость несказанная... Ведь, когда она уходила на фабрику, Оксана и Юлия были живы, веселы, жизнерадостны. И

---

¹ Коллежский советник – в Табели о рангах это шестой классный чин, соответствующий армейскому полковнику.

такого с ними никак не могло произойти: утром они еще живы, а вечером – мертвы. Не может такого быть! Материнское сознание отказывалось принимать очевидное: «Наверное, это какие-то чужие дети, почему-то оказавшиеся в комнате дочерей. Но точно – не мои...»

Однако это было еще не все. Кровавые следы вывели Авдотью Корякину из ее комнаты сначала в коридор, а потом в комнату соседей. Она совсем не удивилась тому, что увидела в спальне соседей. Там, на деревянном полу, в луже крови, лежала Эльвира Шиманова – Авдотья узнала ее лишь по одежде. Голова соседки представляла кровавое месиво – лица не разглядеть, оно попросту отсутствовало. Кроме того, все ее тело было истыкано ножом. Неподалеку, также в лужице крови, лежали тяжелый чугунный утюг и сломанные очки. И отсутствовал сын Шимановых, годовалый улыбчивый Колька, который едва научился ходить. Куда он подевался – было непонятно. Может, куда спрятался? Но искать соседского мальчишку Авдотья Корякина не собиралась. Когда свои дети убиты, какое дело до чужих детей?

Конечно, Корякина не сразу нашлась, что ей следует предпринять. Неподвижным взглядом взирала в немую черную пустоту. Понемногу приходило осознание совершенного злодеяния: Оксана и Юлия убиты и уже никогда не улыбнутся при виде матери, а она не посмотрит ласковым взором в их светлые и лучистые глаза. Как такое возможно вынести? Где взять на это силы? И нужна ли ей вообще сама жизнь после смерти дочерей? Не находилось слез, чтобы выплакать горе, как не было и твердости для того, чтобы сделать последующий шаг... Ноги более не держали, и Авдотья Никифоровна сползла по стеночке и просидела так на полу неизвестно сколько времени, невесть о чем думая, да и думая ли вообще. Потом, собрав в теле оставшуюся крепость, поднялась на ноги, предательски задрожавшие. Пошатываясь и придерживаясь поначалу за стены, далее за перила крыльца, медленно ступая, вышла из дома и дотопала до соседей, благо что идти было недалече. Постучалась несильно в оконце. Через минуту занавеска колыхнулась и в оконце показалась соседка Клавдия. Авдотья Никифоровна махнула ей рукой: выйди, мол. Та, оживленно кивнула и, накинув на себя просторный салоп и шалюшку, выбежала из дому:

– Господи, что с тобой, Авдотья? На тебе же просто лица нет! Что случилось?!

– Несчастье у меня, Клава, – тихо вымолвила Авдотья Никифоровна и пошатнулась. И упала бы, не ухватись за ствол березки.

– Какое такое несчастье? – участливо глянула на нее Клавдия Ивановна.

– Девочек моих... Оксану и Юлечку убили, – выдохнула Корякина, и ее снова шатнуло.

Соседка прикусила губу:

– Как так – убили?!

– Головы им размозжили, – еле слышно ответила Авдотья, задыхаясь, будто бы от быстрого бега. – Попросить тебя хочу – сбегай за городовым. Я сама не могу, сил никаких нет. До тебя едва дошла.

– Ладно, – запахнула на себе салоп Клавдия, тревожно поглядывая на Авдотью, которая раскрытым ртом хватала морозный воздух, как выброшенная на берег рыба, и добавила: – Конечно. Я мигом...

* * *

Городовой, которого привела соседка Клавдия, оказался огромного роста и невиданной силы и напоминал циркового борца.

– Это сюда, что ли? – указал он на распахнутую дверь.

– Сюда, – прошелестела губами Авдотья.

Громко затопав каблуками по дощатому крыльцу, полицейский вошел в дом. Пробыл он в помещении самую малость: очевидно, прошелся по комнатам, окинул взглядом царящую там обстановку и решил поскорее ретироваться. Смотреть на то, что произошло в комнатах

Корякиных и Шимановых, было невыносимо – боль и страх доходили до предела, который не всякий крепкий мужчина выдержит.

Выйдя из избы, городской во всю мощь легких глотнул студеного воздуха и тотчас с шумом выдохнул.

– Да-а, – только и сумел произнести он.

Женщины со скорбным молчанием взирали на полицейского, ожидая его решения. Казалось, что тот не торопится. В действительности, потрясенный увиденным, он понемногу приходил в себя.

Наконец он заговорил:

– Ничего в доме не трогайте, – и, не дожидаясь ответа, побежал рысцей прочь.

– Ты куда? – окликнула его Клавдия.

– Я скоро, никуда не уходите и никого не пускайте в дом, – не оглядываясь, крикнул он и припустил еще швыдче.

Клавдия Ивановна, потоптавшись у крыльца, все же решилась взглянуть, что там произошло: вошла в дом (вот оно, женское любопытство) и едва ли не вылетела из него, размахивая, будто крыльями, руками и с лицом, побелевшим как полотно:

– Кто же это их так, бедных? Вот горе-то какое навалилось! Как же тебе, милая, все это выдержать? Господи помилуй! – в страхе перекрестилась женщина.

Авдотья Корякина мельком глянула на соседку, опустила на ступеньки крыльца и впервые за все время, прошедшее с момента возвращения с работы домой, ухватившись за голову, завывала в голос. Ведь там, в ее квартире, лежали с разможенными головами не какие-то чужие девочки, а ее родненькие дочери – это она теперь поняла отчетливо и ясно. Завывала горько, тоскливо и безнадежно. Так скорбят люди, встретившие смерть. Или готовящиеся принять ее, смирившись с неизбежностью и не имея ни сил, ни возможности к сопротивлению. Потому как жить стало уже невмочь – душа была полна кровавой тоски, сердце заколотилось так, словно хотело расколоться на куски о грудную клетку. Глядя на товарку, зарыдала и соседка Клавдия. А когда женщины горько плачут – это завсегда худо...

Вернулся запыхавшийся городской. Верно, успел быстро добежать до полицейского участка на Московской улице и доложить о произошедшем на Жуковке начальству, поскольку с ним пришли участковый пристав Городецкий и полицейский надзиратель Полторак. Следом за ними с интервалом не более получаса прибыли городской врач Коноплянкин, частенько привлекаемый для осмотра мест происшествий с имеющимися жертвами, в частности с покойниками, и судебный следователь Глушко. Как только они приступили к осмотру трупов, – а начали они с Эльвиры Шимановой, – то врач Коноплянкин, сидевший возле нее на корточках, заметив слабое дыхание женщины, едва не закричал во весь голос:

– Господи! Она без памяти, но жива. Дышит!.. – И уже совсем тихо: – Как такое вообще может быть? Бедная...

Остальные подбежали, глянули на окровавленное тело женщины: и правда, дыхание почти незаметное, мелкое и частое, но имеет место быть. Невероятно: принять столько ударов и ранений по всему телу, весьма тяжких и, скорее всего, несовместимых с жизнью, и на тебе – не отдать богу душу и выжить вопреки всему самому страшному! Случается же на свете нечто необыкновенное... Конечно, то, что женщина была еще жива, можно было абсолютно без натяжки назвать чудом. Вот только вопрос: может, лучше было бы ей все же умереть, нежели продолжать жить? Ибо то, что последует позже, вряд ли можно будет назвать жизнью...

– Городской, давай быстро за повозкой! – распорядился судебный следователь Глушко.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие, – откликнулся полицейский и тотчас выскочил со двора.

Обернулся быстро; отерев вспотевший лоб и переведя дыхание, доложил:

– Ваше высокоблагородие, повозка найдена и ожидает на улице.

– Хорошо, голубчик, – отозвался судебный следователь. – А теперь со всем бережением выносите женщину из избы и на повозку. – Слегка повысив голос, добавил: – И постелите что-нибудь под тело! Не на мерзлом же ей ехать!

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие, – с готовностью отозвался городской. – Там в сенях тулупчик висел, вот мы его и постелим.

Женщине доктор Коноплянкин успел оказать какую-то первую помощь – перевязал голову бинтами, наложил марлевую повязку на живот, надеясь унять проступающую кровь. Аккуратно, стараясь не трясти и как-нибудь ненароком не навредить, пострадавшую женщину вынесли из спальни. Так же аккуратно погрузили в повозку и повезли в ближайшую слободскую больницу, прозванную «Виноградовской», поскольку лет сорок назад сей выдающийся профессор медицины Виноградов, известный по всей Российской империи своими достижениями и научными трудами, практиковал именно в этой больнице. Везли раненую медленно и осторожно, поскольку трясучка, особенно по булыжным мостовым, запросто могла окончиться для Эльвиры Шимановой летальным исходом. Ладно еще весна стояла ленивая и неповоротливая, и снег, что лежал на мостовых и тротуарах, не желая таять, смягчал движение повозки.

Затем был произведен осмотр трупов бедных девочек Оксаны и Юлии Корякиных, сам факт смерти которых произвел на всех присутствующих крайне тягостное впечатление. Все, кто заходил в комнату девочек, либо замолкал на все время нахождения в ней, либо невольно переходил на шепот, если имелась необходимость что-то говорить. После чего городской врач, также явно удрученный этими двумя ужасными смертями, пришел к выводу, что убиты они тем самым утюгом, что был найден возле истекающей кровью Эльвиры Шимановой.

– Именно этим утюгом головы девочкам и размозжили, – угрюмо заявил доктор Коноплянкин, посмотрев на судебного следователя Глушко. – Характер их ран указывает на это. Да и голову их соседки также этим утюгом разбили, – вновь авторитетно добавил доктор, оглядывая присутствующих господ. – Думаю, что смерть наступила не сразу, отсюда многочисленные удары. Злодей добивал бедных девочек.

– Я уже приобщил утюг к вещественным доказательствам. Как и раздавленные очки, – в свою очередь заявил судебный следователь Глушко, занеся названные предметы в протокол осмотра места преступления. – Оба предмета окровавленные... А нож, коим ее искололи, вы не нашли?

– Нет, – отозвался полицейский надзиратель Полторак. – Верно, убивец с собой унес...

– На кухне еще посмотри, – приказал участковый пристав Городецкий надзирателю.

Полторак немедля отправился на кухню, и тут подала голос соседка Клавдия, до этого момента молча, незаметно и не без любопытства наблюдавшая за происходящим. Как ни крути, а господа из полиции есть власть. И посмотреть завсегда интересно, как силы правопорядка действуют в таких вот ужасных обстоятельствах, каковые тоже случаются не каждый день. Может, они чего-то не так делают и не грех им подсказать, как надобно бы правильнее?.. Да и будет о чем рассказать после товаркам.

– У Эльвиры ребеночек был... годовалый, – произнесла Клавдия Ивановна. – А теперь его нету.

– И куда он подевался? – недовольно глянул на нее участковый пристав Городецкий.

– А это вас надобно спросить! Вы ведь у нас полиция, – с некоторым вызовом произнесла Клавдия Ивановна и без смущения посмотрела прямо в глаза пристава. Тот не выдержал женской суровости и отвел в сторону тяжелый взор.

– Вы ведь соседкой будете потерпевшей? – тронул Клавдию за руку судебный следователь Глушко.

– Ага, соседкой, – ответила Клавдия Ивановна и с интересом посмотрела на видного черноволосого мужчину. Кажется, этот господин среди всех находящихся в доме приват-доцента

Эмилюка был главным. И этот первейший представитель власти в данный момент обращался именно к ней, что польстило ее самолюбию.

– Мне надобно вас опросить, – промолвил Глушко и добавил: – Давайте отойдем немного в сторонку.

– Ну, коли надо – опрашивайте, – степенно произнесла Клавдия Ивановна и, слегка раскачиваясь из стороны в сторону, неторопливо последовала за судебным следователем – цену она себе хорошо знала. Не какая-то там базарная баба с еврейского базарчика, а женщина – самая что ни на есть серьезная!

– Расскажите, что вы знаете об этом деле, – по-деловому начал допрос судебный следователь, достав памятную книжку и карандаш.

– Дак ничо я об ентом деле-то особо и не знаю, – последовал ответ, совершенно не устроивший господина Глушко.

– Ну как же? – искренне удивился судебный следователь. – Это ведь вас позвала потерпевшая Корякина, а не кого-то другого? – посмотрел на женщину судебный следователь.

– Ничо она меня не позвала, – поправила следователя Клавдия Ивановна. – Она пришла ко мне и сказала, что девочек ее убили. И велела бежать за городовым.

– И вы побежали?

– Побежала, – кивнула женщина. – Нашла городского. Он в будке находился, замерз, видать... Я его сразу разглядела, там фонарь горел.

– Так, уже хорошо, – подбодрил свидетельницу судебный следователь Глушко. – И что именно вы ему сказали?

– Сказала ему, что в доме Эмилюка на Жуковке произошло смертоубийство. Детей двоих убили насмерть. Девочек.

– А что городской?

– Тот пошел со мной, чтобы убедиться. Верно, не очень-то он мне поверил. – Клавдия Ивановна покачала головой. – Ну, пришли. Городовой в дом зашел и выскочил оттуда как угорелый. Вот с такими глазищами! – показала она пальцами размеры глаз, каковые удалось узреть у перепуганного полицейского. – Верно, увидел, что там творится. – Клавдия Ивановна немного помолчала. – Потом велел нам ничего в доме не трогать и побег обратно. Наверное, в полицейский участок. Мол, я скоро...

– Вы в дом входили? – задал вопрос судебный следователь.

– Ага. Как городской-то убер, я решила посмотреть, что да как там... Вошла в дом, а там, – Клавдия Ивановна приложила ладонь ко рту и всхлипнула, – девочки мертвые Оксана и Юлечка лежат, и головы у них разбиты. И что за изверг такое содеял? Убить его мало! – Она снова всхлипнула, посмотрела на судебного следователя и замолчала.

– Что было потом? – записав что-то в памятной книжке, задал следующий вопрос Глушко.

– А потом городской возвратился. А с ним – вы пришли и другие господа полицейские. Позже еще и врач приехал на извозчике... Два гривенника заплатил.

– Это все? – посмотрел на женщину судебный следователь.

– Все, – ответила Клавдия Ивановна.

* * *

Покуда судебный следователь Глушко опрашивал Клавдию Ивановну и пытался после этого получить хоть какие-нибудь полезные для следствия сведения от обезумевшей от горя и мало чего понимающей Авдотьи Корякиной, полицейский надзиратель Полторак согласно протоколу отправился опрашивать ближайших соседей потерпевшей. В кратчайшие сроки важно было узнать: не видел ли кто-нибудь из них часа два назад или, быть может, два с половиной

каких-нибудь подозрительных людей; или, может, заприметил нечто странное, чего в обычные дни не встретишь. Вскоро Полторак вернулся весьма довольный, ведя с собой знакомого Корякиных и Шимановых, молодого мужчину лет тридцати, проживавшего на Второй Екатерининской улице и, можно сказать, соседа.

– Вот он видел убийца, – с порога торжествуя заявил полицейский надзиратель Полторак. – Работает учителем арифметики в земском начальном училище Адмиралтейской слободы, зовут его Тимофей Боборыкин, и квартира его находится через три дома от дома приват-доцента Эмилюка. Расскажи господину судебному следователю, что видел, – потребовал Полторак и слегка подтолкнул учителя арифметики вперед.

– Я готов, – охотно ответил молодой человек.

Судебный следователь дружелюбно посмотрел на Боборыкина и мягко поинтересовался:

– Как ваше отчество, позвольте вас спросить?

– Игнатьевич, – ответил учитель арифметики.

– Тимофей Игнатьевич, – в том же мягком уважительном тоне произнес судебный следователь, – расскажите, пожалуйста, что вы видели?

– Часов в пять или в шестом часу пополудни я видел, как с улицы Жуковка на Вторую Екатерининскую, где я как раз и проживаю, выскочил почти бегом мужчина, – начал давать показания учитель арифметики Боборыкин. – Направлялся он, как мне показалось, в сторону Кузнецкой улицы. С собою нес ребенка, закутанного в одеяло.

– А откуда вы знаете, что это был ребенок? – быстро спросил Глушко. – Может, это был обычный сверток с бельем. Или вообще... полено... Мало ли чего?

– Тот мужчина шел очень быстро, буквально не разбирая дороги, потом на повороте поскользнулся и упал. И выронил сверток, как вы изволили выразиться. И почти сразу же раздался плач. Это был плач маленького ребенка, – уверенно заключил Тимофей Игнатьевич и немного насмешливо глянул на судебного следователя. – Полено не умеет плакать.

– Украл, стало быть, убийца мальчонку-то, – снова встряла Клавдия Ивановна в разговор и, встретившись со строгим взглядом участкового пристава, тотчас замолчала.

– Насчет полена спорить с вами не стану... Опишите поточнее мужчину, что нес ребенка, – попросил учителя судебный следователь Глушко и приготовился записывать показания в памятной книжке.

– Он был возбужден, очень торопился и, как я уже говорил вам, поскользнулся, упал и выронил ребенка прямо в снег, – ответил Тимофей Боборыкин. – Ребенок прокатился по снегу и заплакал, но мужчина, не отряхивая от снега ни одеяло, ни свое пальто, даже не попытался успокоить ребенка, взял его и поспешил дальше, будто бы его кто-то преследовал. Мне показалось это весьма подозрительным. Выронить ребенка и не поинтересоваться, не случилось ли с ним что-то, не ударился ли он головой... Как будто и правда он нес простое полено...

– Вы мне вот что скажите, вы раньше этого мужчину видели?

Вопрос был наиважнейший для следственного дела. И судебный следователь получил весьма неожиданный ответ, который позволял следствию найти «генеральную линию» и предпринять в расследовании случившегося на улице Жуковка вполне резонные шаги.

– А то как же, – несколько удивленно произнес учитель арифметики. – Я его сразу узнал, как только он выбежал. Это был Зиновий Шиманов. Муж Эльвиры Максимовны... Только таким взволнованным я его никогда раньше не видел. Всегда спокойный такой, рассудительный, издали поздороваешься, а то еще рукой махнет в знак приветствия. А тут оно вон как...

– Вы можете еще что-то сказать? Дополнить свои показания?

Учитель арифметики призадумался, потом уверенно произнес:

– Пожалуй, это все, что я могу сказать, господин следователь.

– Что ж, вы нам очень помогли.

* * *

В этот же день судебным следователем Валентином Валерьевичем Глушко было вынесено постановление о розыске мещанина Зиновия Ивановича Шиманова, подозреваемого в двойном убийстве и нанесении тяжких увечий своей супруге. Уже вечером в городские и уездные полицейские управления, а также в жандармские и на железнодорожные станции разошлась по телеграфу, почте и служебными курьерами рассылка личности подозреваемого. Фотография Шиманова появилась и в «Полицейских новостях». Городовые, имея при себе снимок подозреваемого и ориентировки, проверяли постоянные дворы, трактиры, ночлежки, вокзалы, осматривали прохожих, но розыск ни к чему не привел. Предполагаемый убийца как в воду канул.

В таком вот виде дело об убийстве сестер Корякиных Оксаны и Юлии соответственно четырнадцати и двенадцати лет; нанесении тяжких увечий Эльвире Максимовне Шимановой двадцати трех лет и пропаже годовалого ребенка Коли Шиманова вскоре попало в руки судебного следователя по особо важным делам коллежского советника Ивана Федоровича Волкова.

Глава 2. Что надлежит сделать в первую очередь

Злодеяние, совершенное на улице Жуковка в Адмиралтейской слободе Казани, вызвало в городе большое волнение, что, впрочем, отнюдь не удивительно. Разумеется, жестокие лихоты в Казани (а равно в иных губернских городах Российской империи) происходили и раньше и являлись не редкостью. И особой ажитации у горожан не вызывали. Но здесь совсем другой случай... С особой беспощадностью преступники убили двух малолетних девочек и похитили годовалого ребенка. Обыватели, напуганные преступлением до самого предела, невольно задавались вопросом: а что же такого произойдет дальше, если сегодня такое вершится? К чему следует быть готовыми?

В живых осталась лишь молодая женщина. Но ее до такой степени измордовали, что на ней живого места не осталось (бедняжка уже который день между жизнью и смертью барахтается, даже на секунду в сознание не приходила). И неизвестно еще, что для нее теперь будет лучше: помереть, не приходя в себя, или продолжать жить и мучиться изуродованным беспомощным инвалидом.

Правду о страшном происшествии в Адмиралтейской слободе Казани в Санкт-Петербурге узнали очень скоро. Впрочем, в век телеграфных сообщений, когда отправить телеграмму или депешу – дело нескольких минут, удивляться особо не приходится. Ну, а людей, готовых доложить вышестоящему начальству о разного рода громких происшествиях, всегда хватало везде и во всякие времена...

Все эти деяния, не знающие оправдания, произошедшие в Казанской губернии, находившейся на особом счету у правительства и у самого самодержца, заставили московское начальство продлить служебную поездку в Казани судебному следователю Воловцову на неопределенное время и взять в свои руки следственное дело, возбужденное местной полицией о случившемся на улице Жуковка. Само собой, вместе с процессуальными документами, протоколами свидетелей, вещественными доказательствами, экспертными и служебными материалами, включая рапорты, донесения и переписки по делу, а также с описью дела с перечнем всех листов и документов при обязательной нумерации.

* * *

Пристав второго участка шестой полицейской части Федор Феофилактович Городецкий встретил судебного следователя по особо важным делам Ивана Воловцова довольно прохладно. Ну а чего хорошего следует ожидать от сего московского коллежского советника с его предписанием и полномочными бумагами от самого генерал-прокурора? Разве только наставлений в высокомерном начальническом тоне да сования своего носа туда, куда совать и не следует (бумаги, что имелись у судебного следователя по особо важным делам на руках, давали ему на такое дело безграничное право).

Командированный судебный чиновник был процессуально независим, то есть не входил в подчинение никаким местным властям, включая губернатора, полицеймейстера (этот, напротив, был обязан содействовать судебному следователю в его делах) и прочих отцов города и губернии. Коллежский советник Воловцов, как и некоторые иные судебные следователи по особо важным делам, имел право возбуждать уголовные дела, производить дознание в любых его формах и даже избирать меру пресечения обвиняемым и изменять ее, ежели он считает это нужным. Однако приехавший в участок судебный следователь по особо важным делам был учтив и корректен, не имел склонности к высокомерию и умел быть простым в обращении, и Федор Феофилактович не то чтобы проникся к московскому гостю невероятной симпатией, но скверное предубеждение против него как-то сразу рассеялось в течение первых минут обще-

ния. А потому на его вопросы старался отвечать полно и обстоятельно, и вскоре у Воловцова о произошедших убийствах сложилось более или менее полноценное мнение.

– Вам бы еще с судебным следователем Глушко побеседовать. Он вам поболее моего скажет, – посоветовал Ивану Федоровичу на прощание участковый пристав Городецкий. И, получив в ответ уважительное «благодарю», удалился в свой кабинет, вполне довольный встречей с московским судебным следователем по особо важным делам. «Бывают же такие», – хмыкнул себе под нос Федор Феофилактович, открывая дверь в свой кабинет.

Выходило, что и среди коллежских советников попадаются вполне приятные в обращении люди, не задирающие нос перед чиновниками низшего ранга.

* * *

Улица Московская является центральной в Адмиралтейской слободе и, начавшись от Адмиралтейского железнодорожного моста, идет напрямик к паровым пристаням Дальнего Устья. От Московской до улицы Воскресенской, где в одном здании находились и Окружной суд и Судебная палата с двумя ее департаментами: гражданских и уголовных дел; ежели пешком топать – каблуки можно стереть. А иными словами – далековато. Посему Иван Федорович, любящий пройтись пешочком (но, право, не до такой же степени!), нанял извозчика и велел ему ехать к зданию Окружного суда, что в самом центре города. Доехав и расплатившись с возницей, вошел в здание и спросил дежурного, как ему найти господина судебного следователя Глушко. Получив ответ, прошел длинным коридором до нужного кабинета и, для приличия стукнув в дверь пару раз костяшками пальцев, открыл ее и вошел в помещение.

Кабинет судебного следователя Глушко, несмотря на электрический свет, был сумрачным. Форточка была широко распахнута, и с улицы тянуло сыростью, стол освещался неровным пятном, выхватывая из темноты края бумаг и блеск сургучных печатей. На зеленом сукне, покрывающем стол, лежало судебное дело – толстая папка, прошнурованная, с аккуратно выведенным номером на корешке. Шнур был стянут туго, концы его залиты красным сургучом, на каждом – четкий отпечаток канцелярской печати. Рядом с делом – опись, сложенная вдвое.

– Можно... Разрешите представиться, судебный следователь по особо важным делам коллежский советник Иван Федорович Воловцов, – отрекомендовался московский гость.

– Просто судебный следователь Валентин Валерьевич Глушко, – сделав акцент на первом слове, представился хозяин кабинета, улыбнувшись. – Чем могу быть вам полезен?

– Вот, взгляните, пожалуйста, – протянул Глушко предписание генерал-прокурора Иван Федорович.

Валентин Валерьевич взял бумагу, внимательно прочитал ее и вернул Воловцову:

– Ах да... Мне уже сказали, чтобы я передал дело судебному следователю из Москвы... Стало быть, дело об убиении двух девочек и пропаже годовалого ребенка на Жуковке будете теперь вы вести, – без всякой вопросительной интонации промолвил судебный следователь Глушко.

– Стало быть, именно я, – ответил Иван Федорович и притворно вздохнул, будто ноша была для него дюже тяжела и согласился он ее нести лишь из уважения к вышестоящему начальству. – Понимаю ваши чувства, но это не моя инициатива, а распоряжение вышестоящего начальства.

Судебный следователь Глушко подошел к столу и подвинул папку с судебным делом вперед.

– Догадываюсь... Вот здесь все, что нами наработано на данный момент, – произнес он. – Все материалы приобщены к делу. Вещественные доказательства оформлены по отдельной описи.

– Вижу, что дело уже прошнуровано, – заметил Воловцов, – и оно приличной толщины.

– Мы тут тоже, как говорится, не лаптем щи хлебаем. Порядок знаем и кое-что умеем... Прощурено и пронумеровано, – сухо ответил Валентин Валерьевич. – Сто семьдесят шесть листов. Если вам это интересно... Печати все целы.

– Показания последнего свидетеля приобщены? – вежливо поинтересовался Воловцов, кожей ощущая, что оба они слеплены из одного теста, вот только вряд ли им удастся сработать даже при обоюдном желании.

– Три дня назад был допрошен последний и очень важный свидетель – учитель арифметики в земском начальном училище Адмиралтейской слободы Тимофей Игнатьевич Боборыкин. В донесении все указано, – в голосе прозвучало едва уловимое раздражение.

Иван Федорович потянул папку к себе, затем проверил сургуч, провел пальцем по шнуру, словно убеждаясь в его прочности, и ответил:

– Благодарю вас, производство принимаю. А на словах ничего не желаете добавить? Мало ли... Ведь бывают детали, которые не всегда целесообразно указывать в деле.

– Более ничего, – посмотрел поверх головы Воловцова Валентин Валерьевич. – Все там, в папке... Подробнейшим образом!

– Хорошо.

Иван Воловцов взял перо и расписался внизу описи, приняв дело. Судебный следователь Глушко поставил подпись рядом – коротко, резко, будто подводил черту под состоявшимся разговором.

Папка перешла на противоположную сторону стола. С этого мгновения делом занимался московский судебный следователь. Иван Федорович кивнул на прощание, уложил судебное дело о двух убийствах и одном похищении в кожаный портфель и без промедления покинул кабинет Глушко.

* * *

Вернувшись к себе в номер, – а Иван Федорович по-прежнему квартировал на втором этаже «Hotel de Kazan П. В. Щегинкина», находившегося на Большой Проломной улице, или, как по старинке называли горожане сию гостиницу «подворьем» или «номерами», Воловцов дважды прочитал всю папку с делом. Потом, подперев голову ладонью, крепко призадумался.

Итак, дом на улице Жуковка в Адмиралтейской слободе города. Деревянный, из толстых брусьев, одноэтажный, отнюдь не старый, не хуже, а возможно, даже лучше многих других. Ранее дом принадлежал приват-доценту Казанского императорского университета Адаму Эмилюку, подававшему большие надежды исследователю электрических явлений и земного магнетизма, однако скоропостижно скончавшемуся при невыясненных обстоятельствах несколько лет назад. После его «безвременной кончины», как писали городские газеты, во владение домом вступили его наследники – четверо племянников, которые сдали его внаем двум семьям. Дом Эмилюка – это четыре комнаты, общая кухня в доме и общий, сколоченный из досок, туалет на улице.

На момент совершения преступления в доме проживали две молодые семьи: Корякины и Шимановы. Из семейной пары Корякиных осталась только Авдотья Никифоровна Корякина, тридцати четырех лет, работница полотняной фабрики Гольдмана. Авдотья лишилась мужа три года назад: попутал леший горемычного супруга пойти на рыбалку перед самым вскрытием Волги, вот и провалился он под лед. Даже вскрикнуть не успел, только руками взмахнул, разом утонул! Случайными свидетелями произошедшей трагедии стали два рыбака, так же как и Корякин решившие (то ли чтобы испытать свою немилосердную судьбу, то ли из-за несусветной глупости, то ли из ребячьего баловства) порыбачить в опасное для этого время года и в коварном месте. Авось пронесет! Их вот пронесло. А Корякину не повезло.

Весной лед только снаружи кажется крепким, а в действительности он давно уже подтаял снизу, раскрошился, сделался кавернозным и рыхлым. Ступил не туда, куда следует, и провалился с головой. Выбраться из такой коварной полыньи крайне непросто: хватаешься за ледяные края, а они некрепкие, все обламываются. Зимой же лед тонкий, но твердый, потому что морозцем сцеплен намертво. Идешь по нему, а он только потрескивает, как будто досадует, что некто непрошенный посмел нарушить его владения.

Менее чем через год после гибели мужа Авдотья Корякина была вынуждена пойти работать – а на что прикажете содержать двух подрастающих дочерей? – для чего окончила полугодовые профессиональные курсы и поступила работницей на полотняную фабрику Гольдмана на углу улиц Жуковка и Односторонка. Ей приходилось и стоять у механического ткацкого станка, а при необходимости и красить ткани, что было небезопасно для глаз и в особенности для легких. Но это было все же лучше, нежели идти работать посудомойкой или портомоей и стирать нижнее белье невесть кому. В часы, когда было совершено нападение на ее несовершеннолетних дочерей, Корякина находилась на фабрике. Ее дочери: старшая, четырнадцатилетняя Оксана, и младшая – Юлия, двенадцати лет, – находились в тот злополучный вечер дома. Обе дочери Авдотьи Корякиной были убиты нанесением смертельных ударов по голове предположительно чугунным двухкилограммовым утюгом, найденным в соседней комнате на полу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.